

Хотя Альфа в периоде гона почти лишён разума, именно поэтому он в такие моменты наиболее честен со своими желаниями.

И в каком-то смысле становится самым послушным существом перед своим Омегой.

Бай Юй не помнил, кто однажды сказал это.

Тогда эти слова показались ему отвратительными.

Но сейчас он был вынужден признать — в этой извращённой истине было нечто пугающе правдивое.

Бай Юй тихо выдохнул с облегчением и вытащил подавитель, собираясь сделать инъекцию Фу Юю.

Но игла ещё не коснулась его кожи, как Альфа внезапно схватил его за запястье и резко дернул на себя. Бай Юй не успел среагировать и рухнул прямо в его объятия.

Он почувствовал, как горячее, влажное дыхание, вырывающееся из-под ограничителя укуса, тяжело скользнуло по его железе. Оно было жадным, настойчивым — словно язык, лишённый возможности вонзиться глубже.

Если бы не ограничитель, острые клыки уже давно впились бы в его железу, насильно оставляя временную метку, заставляя его тело войти в ложную течку.

Но он не мог укусить.

Поэтому мог только отчаянно, прерывисто, почти болезненно вылизывать его сквозь холодную преграду.

Высокая совместимость действовала не только на Фу Юя.

Тело Бай Юя тоже дрожало.

Прошло несколько мгновений, прежде чем он сумел выровнять дыхание. Он повернул голову и встретился с его затуманенными, покрасневшими глазами.

И вдруг понял.

Он действительно понял, что тот хотел сказать.

Он ведь уже послушно надел ограничитель укуса... неужели этого недостаточно? Неужели всё равно нужно вводить подавитель?

Когда именно остальные покинули комнату, Бай Юй не заметил. Они ушли тихо, оставив их наедине.

Бай Юй закрыл глаза на секунду.

— ...Подавитель необходим.

Они уже столько раз переходили эту черту. К чему теперь притворяться.

Фу Юй сопровождал его во время его течки.

Теперь его очередь.

Справедливо.

К тому же с его телом было не всё в порядке. Сейчас он не находился в периоде течки, и вероятность беременности была практически нулевой. Об этом можно было не беспокоиться.

Но Фу Юй находился в состоянии крайнего возбуждения и утраты контроля. Если не ввести подавитель, он не сможет успокоиться.

Бай Юй не знал, что всё это время взгляд Альфы был прикован к его губам.

Только что после душа, мягкие губы были слегка влажными, нежно-красными. Они приоткрывались, выпуская тонкий аромат орхидеи.

Это выглядело как приглашение.

Как искушение.

Хотя он всего лишь говорил.

Альфа, потерявший контроль, не мог этого понять.

Его рука сжала тонкую талию Бай Юя ещё крепче. Сквозь холод ограничителя он снова и снова тёрся о его затылок, его голос стал низким, хриплым:

— Почему подавитель необходим?

Пауза.

— Ты боишься, что я тебя сломаю, брат?

Даже в детстве Фу Юй редко называл его «братом» полностью. Обычно это было короткое «гэ», да и то чаще насмешливо. Услышать такое сейчас, в такой момент, — было почти извращённой насмешкой.

Уши Бай Юя вспыхнули жаром.

Он раздражённо попытался подняться — но не смог вырваться из его объятий.

Он не осознавал, что его дыхание уже сбилось.

С того самого момента, как он вошёл в комнату, он находился под влиянием его феромонов.

Он не знал, было ли это потому, что его ноги ослабели... или потому, что руки Фу Юя держали его слишком крепко.

Словно убедившись, что Бай Юй больше не убежит, Фу Юй слегка наклонил голову и открыл шею, послушно подставляя её.

— Брат... коли сюда.

Бай Юй сделал вдох, пытаясь вернуть себе холодную решимость. Его голос прозвучал резко:

— Не боишься, что я проткну тебе горло?

Фу Юй чуть склонил голову набок. Его затуманенные глаза смотрели на него несколько долгих секунд.

И он улыбнулся.

— ... Ты всегда только делаешь вид, что страшный.

Он протянул руку и прижал ладонь к груди Бай Юя, с болезненной жадностью вдыхая его запах, словно сквозь ткань и тонкий слой плоти мог коснуться самого его сердца.

— Такой мягкий... такой добрый... — его голос был почти одержимым. — ...угх!

Бай Юй без колебаний вонзил иглу ему в шею.

Когда сильнодействующий подавитель вошёл в кровь, давящая, удушающая аура феромонов наконец немного ослабла. Она всё ещё оставалась тяжёлой, но уже не такой безумной и разрушительной.

Однако период гона только начался.

Ограничитель укуса и подавитель были всего лишь слабой защитой для Бай Юя.

Словно попав в раскалённую паутину, он оказался пойман и обездвижен, неспособный вырваться.

Он не понимал, вернулся ли к Фу Юю разум... или же тот всё ещё был во власти инстинктов.

Но в одном Фу Юй был прав.

Он действительно был на грани.

Его ломают.

Он сам не заметил, когда слёзы уже скользнули по щекам.

Молодой, красивый Альфа, обезумевший от желания, сквозь ограничитель отчаянно пытался слизать их, снова и снова, почти молитвенно шепча:

— Брат... брат...

Его голос был липким, тягучим, полным опасной нежности.

— Помоги мне снять его... брат...

Он льнул к нему, капризно, почти ласково — словно просил снять нечто гораздо более запретное.

— Ты ведь тоже хочешь, чтобы я тебя пометил...

Железа пульсировала.

Дыхание дрожало.

Разум тонул, захлёбывался, растворяясь в этом давлении.

В какой момент всё произошло — он не понял.

Чёрный, холодный ограничитель укуса упал на пол с глухим металлическим звоном.

Бай Юй оказался прижат к ледяной стене.

Острые клыки вонзились в его железу.

Чужие феромоны хлынули в него, переполняя, подавляя, разрушая. В голове зазвенело, тело потеряло контроль, руки и ноги беспомощно дрогнули.

Но сбежать он не мог.

Альфа за его спиной держал его так крепко, словно хотел вплавить в себя, сделать частью собственной плоти и крови.

Он повернул его лицо к себе и медленно слизал слёзы с его щёк, его голос был низким, хриплым, наполненным тёмной нежностью:

— Брат...

Пауза.

— Тебе придётся привыкнуть к моим феромонам.

На третий день периода остальные на корабле решили, что питательный раствор в комнате полковника, должно быть, закончился.

Один из подчинённых осторожно подошёл к двери и тихо постучал:

— Полковник, мы оставили питательный раствор у двери.

Сказав это, он уже собирался поспешно уйти.

Но сквозь толстую герметичную дверь он вдруг уловил слабый звук изнутри.

Словно кто-то скрёбся в дверь.

Словно просил о помощи.

...И этим «кем-то» точно не мог быть Фу Юй.

Подчинённый замер на мгновение.

Затем его лицо вспыхнуло, и он поспешно, почти бегом, исчез в коридоре.

Когда Бай Юй, чья попытка сбежать и позвать на помощь провалилась, снова был пойман и прижат к кровати, его голос уже сорвался до хриплого шёпота:

— Фу Юй...

Из-за истощения и того, что он целый день не получал питательный раствор, у него больше не осталось сил даже ударить его. Стиснув зубы, он выдавил:

— Ты уже пришёл в себя, да? Хватит притворяться. Введи подавитель и закончи этот чёртов период.

Альфа, стоявший перед ним на одном колене, будто ничего не услышал. Он одной рукой открыл ампулу с питательным раствором. Услышав его слова, он лишь на мгновение остановился, поднося раствор к губам Бай Юя, и задумчиво произнёс:

— ...Давай я напою тебя сам.

С этими словами он поднёс ампулу к губам.

.....

Период гона Фу Юя длился целых семь дней.

Когда всё наконец закончилось и он отнёс Бай Юя в ванную, чтобы искупать, тот молча поклялся себе — больше никогда в жизни он не будет сопровождать Альфу в его период гона.

После инъекции сильнодействующего подавителя его действительно не сломали...

Но он едва не умер.

Альфа, который все эти дни лишь притворялся потерявшим контроль, теперь спокойно и неторопливо мыл его, тщательно смывая следы, которые не должен был видеть никто. Когда

его ладонь скользнула на бледный, тонкий живот Бай Юя, он невольно задержался там на несколько секунд, будто вспомнив что-то слишком откровенное. Его пальцы мягко надавили на кожу, и он с лёгкой улыбкой сказал:

— ... Как мы назовём ребёнка?

— ...

Бай Юй открыл глаза и бесстрастно посмотрел на него:

— Когда я делал тебе инъекцию подавителя, жаль, что я не попал иглой тебе в висок.

Фу Юй чуть приподнял бровь.

— За эти дни мы ни разу не использовали защиту.

Бай Юй расслабился и спокойно откинулся в воде, его голос был ровным и холодным:

— Я больше десяти лет использовал маскирующие препараты. Как ты думаешь, это прошло без последствий для организма?

Фу Юй на мгновение замолчал.

Он понял.

Вероятность того, что Бай Юй сможет забеременеть, была крайне низкой.

Он не мог понять, что чувствует — облегчение... или лёгкое, почти незаметное сожаление.

Бай Юй бросил на него насмешливый взгляд:

— К тому же... у тебя ведь нет намерения заводить ребёнка, верно?

Если бы он действительно забеременел, Фу Юй был бы первым, кто настоял бы на том, чтобы избавиться от него.

Фу Юй улыбнулся и убрал руку.

— Верно. Нет.

В ванной воцарилась тишина. Лишь тихо плескалась вода.

После бурного периода гона настроение Фу Юя явно улучшилось. Такие моменты между ними случались редко — без напряжения, без скрытой угрозы, без удушающего давления желания. Они могли даже спокойно разговаривать.

Если не обращать внимания на пугающее количество следов на теле Бай Юя... их можно было бы принять за братьев, которые просто находятся в хороших отношениях.

— Твоя патрульная миссия закончена? — спросил Бай Юй. — Ты ведь скоро возвращаешься на Центральную планету?

Фу Юй на мгновение задумался и тихо сказал:

— У меня осталось ещё одно дело. Пойдём со мной ещё в одно место.

Бай Юй бросил на него косой взгляд.

— Надеюсь, это не очередное опасное место? Если опасное — извини, я пас. Я лучше вернусь обратно. — Он сделал паузу и добавил: — Кто такой Карсен? Он, похоже, знает, кто ты на самом деле.

— У звёздных пиратов тоже есть разные фракции, гэ, — терпеливо объяснил Фу Юй. — Одни — настоящие террористы: грабят гражданские звездолёты, разоряют отдалённые системы разных стран. Другие же ведут подпольный бизнес, не переходя откровенно опасную черту, и имеют... скажем так, не самые чистые связи с политической верхушкой. Карсен относится ко вторым.

Неудивительно, что Карсен знал так много.

Бай Юй задумчиво опустил взгляд, словно внезапно всё встало на свои места.

После душа Фу Юй осторожно вытер его, словно боялся причинить лишнюю боль, затем поднял на руки и уложил в постель, заботливо укрыв одеялом. По привычке он наклонился, собираясь поцеловать его — так же, как делал это в дни своей фазы, когда льнул к нему, требуя ласки и ответных поцелуев.

Но Бай Юй поднял руку и остановил его.

— Период гона уже закончился, полковник, — холодно произнёс он.

Его губы всё ещё были яркими, припухшими, будто хранили следы недавней близости, но взгляд стал отстранённым и ледяным.

— Нужно напомнить вам, какие у нас отношения?

Фу Юй замер, глядя на его бесстрастное лицо. В его глазах на мгновение мелькнуло что-то неуловимое, но он лишь пожал плечами.

— Я просто хотел тебя подразнить.

Он развернулся и вышел из комнаты.

Бай Юй был истощён до предела. Стоило ему укутаться в одеяло, как сон накрыл его мягкой, непреодолимой волной.

Он не знал, сколько времени проспал.

Когда он наконец проснулся, звездолёт уже совершил несколько гиперпрыжков, достиг новых координат и приземлился на другой планете.

Бай Юй в замешательстве посмотрел на космические координаты на терминале. Он переоделся в одежду, лежавшую рядом с кроватью, выпил питательный раствор со стола. Когда силы постепенно вернулись к нему, он вышел из каюты.

На корабле никого не было.

Пусто. Тихо. Слишком тихо.

Бай Юй остановился, насторожившись, затем вернулся в каюту, взял пистолет для самообороны и только после этого осторожно спустился со звездолёта.

Едва переступив порог, он замер.

Перед ним раскинулась заснеженная планета.

Она была почти такой же, как та, куда Фу Юй приводил его раньше. Толстый слой снега казался мягким и пушистым, словно взбитые облака. Иней искрился прозрачным хрусталём. Воздух был свежим, прохладным, но не обжигающе холодным — настолько мягким, что не сковывал движений.

Он даже не представлял, как Фу Юю удалось найти ещё одну такую планету.

Но куда больше, чем сама планета, его поразило другое.

Вокруг звездолёта стояли снеговики.

Множество снеговиков.

Самых разных форм и размеров — причудливые, неловкие, странные. Некоторые выглядели грубо и неуклюже, словно их лепили неумелые руки. Но чем дальше, тем аккуратнее они становились — всё изящнее, всё совершеннее. Было видно, как тот, кто их создавал, постепенно учился, вкладывая всё больше терпения... и, возможно, чувств.

Бай Юй медленно спустился по трапу.

Он остановился перед ближайшим снеговиком и некоторое время молча смотрел на него.

И вдруг почувствовал холод на макушке.

Кто-то осторожно поставил ему на голову маленького снеговика — размером с ладонь.

Бай Юй на мгновение опешил. Он снял снеговика с головы — это оказался маленький снежный кролик, размером с ладонь. На его шее висела крошечная карточка, на которой были написаны сложные космические координаты — похоже, местоположение какой-то планеты.

Он держал снежного кролика в ладонях, всё ещё растерянный, когда позади него высокий Альфа наклонился к нему и тихо сказал:

— Это координаты планеты-драгоценности, которую я дарю тебе. Она гораздо ценнее, чем рубин, небрежно снятый кем-то с броши.

Он на мгновение замолчал, а затем, словно между прочим, добавил:

— Когда будет время — загляни.

— ...Это ты слепил всех этих снеговиков? — Бай Юй не стал ничего говорить о планете-драгоценности и не выбросил милого снежного кролика. Он лишь поднял взгляд на целую армию снеговиков впереди.

Сцена могла бы показаться романтической... если бы не то, что они были выстроены в странно чёткие, почти военные ряды. Слишком ровно. Слишком дисциплинированно. Это выглядело одновременно серьёзно и нелепо.

Фу Юй удивлённо приподнял бровь, а затем рассмеялся:

— Конечно нет. О чём ты вообще думаешь, дорогой?

Бай Юй кивнул, его голос оставался ровным:

— Я тоже так думал.

Чувствительная фаза Фу Юя уже закончилась. Освободившись от болезненной зависимости, вызванной феромонами, он вряд ли стал бы заниматься чем-то настолько бессмысленным и трудоёмким.

Скорее всего, это сделали его подчинённые — те самые, что выполняли роль телохранителей. Работать под его началом, должно быть, нелегко.

Бай Юй огляделся, но нигде не заметил других людей. Его брови слегка нахмурились.

— Тогда зачем ты всё это устроил?

Он только что пережил вместе с Фу Юем его период гона — и теперь тот устраивал подобное представление. Бай Юй невольно вспомнил аристократов Центральной звезды, которые после того, как их любовники удовлетворяли их желания, небрежно одаривали их чем-то незначительным — словно бросали лакомство приручённому зверю.

Это вызывало в нём глубокое, болезненное отвращение.

У него и без того не было выбора.

И без того осталось слишком мало достоинства.

Фу Юй моргнул и слегка наклонил голову, словно догадался, о чём он думает. Он беспомощно покачал головой.

— Ты опять меня несправедливо обвиняешь. Хотя я и правда не самый хороший человек... но не настолько жестокий.

Он сделал паузу и мягко добавил:

— Ты спал слишком долго. Похоже, ты забыл, что сегодня твой День рождения.

В его голосе звучала улыбка.

— С Днём рождения, гэ.

Он посмотрел на него с необычайной теплотой и тихо произнёс:

— Сегодня тот день, когда Бог наградил меня, позволив тебе появиться на свет.

<http://bllate.org/book/14965/1504329>